

Vēsture

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ БРАСЛАВСКОГО РАЙОНА В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ

Евгений Гребень

Everyday Life of the Populace of Braslav Region during the Nazi Occupation of Belarus

In the article, some aspects of everyday life of Western Belarus urban and rural population during the Nazi occupation are reviewed on the example of Braslav Region. Special attention is paid to peculiarities of organization of agriculture, system of medical service, and the sanitary and epidemiologic arrangements of the local administration. Close attention is paid to organization of commerce, pricing policy as well as other aspects of everyday life.

Key words: everyday life, Nazi occupation, Belarus, Braslav Region

В период нацистской оккупации Беларуси жизнь гражданского населения проходила в экстремальных условиях. В условиях угрозы жизни и имуществу граждан со стороны немцев, жителям приходилось лавировать между оккупационными и коллаборационными властями и силами Сопротивления, переносить суровые реалии военной повседневности. Проблема выживания населения Западной Беларуси будет рассмотрена на примере Браславского района.

В период боев лета 1941 г. солдатами вермахта были реквизированы у местного населения продукты питания, за что выдавались квитанции и расписки. С момента установления в районе оккупационных структур крестьяне начали выдвигать к немецким властям требования о компенсации за изъятую продукцию. Компенсации не последовали автоматически, и не известно, были ли они в принципе, поскольку ни Браславская комендатура, работавшая до конца августа, ни Браславская районная управа не осуществляли выплаты. Немецкие власти ограничились сбором у населения таких расписок и начали выяснение правомерности требований крестьян, для чего планировалось связаться с соответствующими частями вермахта, проводившими реквизиции [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 16, л. 5].

Реквизиции продолжались и позднее, причем волостные старосты жаловались, что при сдаче скота вермахту немцы оплачивают или выдают квитанции о сдаче только на часть скота. По всем волостям района вермахт не уплатил деньги за реквизированных в 1941 г. лошадей. Выданные вермахтом квитанции были переданы в Центральное торговое общество, которое, вопреки обещаниям немецких властей, не компенсировало стоимость лошадей. С крестьян в пользу немецких чиновников регулярно проводили поборы. В феврале 1942 г. в

Дрисвятской волости в пользу зондерфюрера была конфискована свинья весом около 100 кг. В декабре того же года старшина Дрисвятской волостной управы направил начальнику района донесение, в котором подробно описал бесчинства, творимые зондерфюрером. Упоминалось количество продуктов питания, предоставляемое немецкому чиновнику (7 пудов пшеницы, несколько баранов, 6 литров молока ежедневно), отмечался факт взлома немцем склада с конфискованными у населения радиоприемниками, требование предоставить ему борова к рождественским праздникам (волостной бургомистр потребовал, чтобы боров был засчитан в налог) и, наконец, арест самого старшины, очевидно, переполнивший чашу терпения [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 10, л. 30, 44]. Документ иллюстрирует, какой произвол могли совершать немцы, какие возможности для личного обогащения давала служба в оккупированной Беларуси.

Заготовке продуктов немцы уделяли первоочередное внимание, поскольку за счет белорусских крестьян приходилось обеспечивать части вермахта и городское население на оккупированной территории. В частности, в октябре 1943 г. крайсландвирт требовал от начальника Браславского района немедленной 100-% уборки картофеля до наступления заморозков, используя жандармерию для наказания граждан, уклоняющихся от работ. Подчеркивалось, что население обязано убрать не только свой картофель, но и выкопать его в эвакуированных деревнях (в населенных пунктах, откуда население было принудительно переселено или уничтожено в ходе карательных операций) [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 130, л. 27]. Распоряжением районного школьного инспектора все школьники освобождались от занятий для уборки картофеля на период с 10 по 24 октября 1943 г. [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 131, л. 14 об.].

Помимо традиционных культур крестьяне в приказном порядке сеяли необходимые оккупационным властям культуры. В марте 1943 г. волостные старшины получили распоряжение крайсландвирта и начальника района распределить между крестьянами своих волостей табак для посева (семена получали у немецкой фирмы). 6 волостей района были обязаны посадить в 1943 г. 60 га табака. Несанкционированный посев табака запрещался [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 131, л. 5]. Для стимулирования посевов необходимых оккупационным властям культур использовалась система зачетов. При поставке стручковых (горох, вика, люпин) происходил зачет 1:2 по отношению к зерновым, семян клевера и трав — 1:15. При выполнении обязательных поставок зерновых и сдаче дополнительно стручковых Центральное торговое общество «Восток» обещало выдавать премии 1,5–2 кг гвоздей за 100 кг сданной продукции [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 148, л. 3].

Западная Беларусь вошла в состав БССР осенью 1939 г., и коллективизацию здесь советские власти провести не успели, поэтому к моменту оккупации здесь преобладало подворное землепользование крестьян. В отличие от восточных районов здесь также не в полном объеме была проведена мобилизация в Красную Армию, поэтому дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве ощущался не так сильно. Тем не менее, некоторые крупные хозяйства нуждались в рабочей силе, поэтому оккупационная администрация Генерального округа Беларусь санкционировала передачу таким хозяйствам в аренду советских военнопленных [ГАВО, ф. 2847, оп. 1, д. 19, л. 15].

В западных районах Генерального округа Беларусь существовала практика назначения опекунов (кураторов) над движимым или недвижимым имуществом граждан, если они по какой-либо причине (малолетство, старость) не могли управлять имуществом сами. Иногда просьба назначить куратора могла исходить от супругов, находившихся между собой в конфликте [ГАВО, ф. 2849, оп. 1, д. 3, л. 10, 10 об.]. Поскольку оккупационная администрация была заинтересована в том, чтобы вся пахотная земля обрабатывалась, кураторство над землей могло назначаться даже без согласия владельца земли. Причем назначенные кураторами крестьяне не всегда были довольны этим, так как подобная обязанность отнимала силы и время от работы в своем хозяйстве. Гражданин П. подал в Браславское волостное управление прошение освободить его от кураторства над землей соседа (10 га), чтобы более эффективно работать в своем хозяйстве (25 га, 2 коня и всего два работоспособных члена семьи) [ГАВО, ф. 2849, оп. 1, д. 4, л. 36]. Куратор мог не сам обрабатывать опекаемую землю, а сдавать ее в аренду. В этом случае в договоре оговаривался принцип раздела урожая (например, по 50 % куратору и арендатору) и фиксировались дополнительные повинности в пользу государства, которые также делились между ними [ГАВО, ф. 2849, оп. 1, д. 6, л. 32].

Часто граждане обращались в местную администрацию с просьбой пересмотреть налогообложение с числящейся за ними земли, которая традиционно делилась на три категории в зависимости от ее ценности, и от этого зависел размер налога. Гражданин К. Купеловской волости Браславского района просил солтыса перевести в третью категорию 16 га имеющегося у него мохового болота, которое при прежней власти числилось как земля второй категории. Гражданин С. обращался к властям с просьбой не начислять налог за землю, которую у него, как кулака, конфисковала советская власть. Из бывших в его собственности до прихода советской власти 50,5 га ему оставили 15 га; конфискованная земля не была никому передана, никем не обрабатывалась, но числилась на прежнем владельце, с которого взимался налог [ГАВО, ф. 2849, оп. 1, д. 6, л. 1, 1 об, 5]. Нередкими были случаи споров крестьян по вопросам купли-продажи земли или ее самовольной запашки, причем эти споры могли быть очень давними, тянувшимися со времен польской или советской власти. Гражданин Ш. обратился в Браславскую волостную управу с просьбой вернуть ему землю, проданную им соседу еще в 1933 г. Договор купли-продажи тогда заключен не был, стороны довольствовались устной договоренностью, поэтому для властей земля числилась на прежнем владельце, от которого государство требовало выполнения повинностей [ГАВО, ф. 2849, оп. 1, д. 3 л. 32, 32 об.].

Учитывая потребности немецкой экономики в рабочей силе, крестьянские хозяйства не могли свободно нанимать рабочих без санкции местной администрации и биржи труда. Крестьянка Слободской волости Браславского района обращалась на биржу труда г. Браслава с просьбой о найме сезонных рабочих, мотивируя это хозяйственной необходимостью: 10,5 га пахотной земли, 4 га лугов, скот, мужу 65 лет, сыну 23 года. В выданной ей для предоставления на биржу труда справке волостного управления этот факт подтверждался, как и то, что в предыдущем 1942 г. она нанимала сезонных рабочих [ГАВО, ф. 2849,

оп. 1, д. 4, л. 43]. Крестьянам, чья просьба о предоставлении военнопленных решалась положительно, выдавалось удостоверение за подписью начальника района, в котором указывалось фамилия, имя самого крестьянина, фамилия, имя военнопленного и продолжительность его работы в данном хозяйстве [ГАВО, ф. 2847, оп. 1, д. 19, л. 15].

Прошения о снятии обязательной поставки сельскохозяйственной продукции были очень распространены. Значительная часть мелких и средних крестьянских хозяйств не могла справиться с выполнением норм и апеллировала к местной администрации и районному сельскохозяйственному руководителю, указывая на невозможность сдачи продуктов. Помимо бедности части крестьян, причиной невыполнения поставок являлись действия партизан, которые, часто принудительно, изымали у крестьян продукты. Однако оккупационные власти не были склонны полностью освободить крестьян от поставок. В октябре 1942 г. начальник района уведомил волостных бургомистров, что крестьяне должны осуществить хотя бы часть поставок, и только тогда они смогут обращаться с просьбой к районному сельскохозяйственному руководителю об их снижении [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 17, л. 23].

В период советской власти у ряда граждан были изъяты земля и имущество и переданы в пользование другим лицам. Естественно, что с приходом немцев обиженные советской властью граждане апеллировали к местной администрации, требуя вернуть имущество. Следует отметить, что немецкая администрация не очень охотно реагировала на подобные просьбы, рассматривая конфискованное советской властью имущество как принадлежащее в данный момент германскому государству. Немцы явно не хотели создавать прецедент возврата национализированной собственности, прогнозируя в таком случае массовые обращения жителей Западной Беларуси с подобными просьбами. В то же время белорусская администрация сочувственно относилась к таким просьбам и могла их удовлетворять, если имущество находилось в пользовании другого лица. В ответ на заявление гражданина М. в Браславскую районную управу, административный отдел распорядился вернуть ему овцу, переданную советской властью гражданину А., и двух ягнят. О том, насколько серьезно белорусская администрация рассматривала данную проблему, свидетельствует тот факт, что исполнение распоряжения было возложено на полицию, которой было даже разрешено провести изъятие вне сферы своей компетенции на территории другой волости [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 171, л. 22].

В августе 1941 г. на имя начальника Браславского района поступило прошение жительницы Миорской волости Елены П., которая была назначена куратором имения (10 га земли, постройки) ее матери Саломеи Г., вывезенной советской властью в Казахстан весной 1940 г. Высказывалась просьба разрешить начать розыск у конкретных лиц имущества ее матери, которое было разобрано колхозниками (урожай и постройки стали достоянием колхоза «Боевой партизан», организованного в имении Черессы). Также выдвигалось требование обязать бывших колхозников вернуть просительнице сжатую рожь (а не использованные семена) либо компенсировать ее стоимость деньгами [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 10, л. 9].

Позиция же немецкой администрации была иной. В распоряжении генерального комиссара Беларуси от 15.11.1943 г. отмечалось, что белорусские суды обязаны отклонять иски бывших владельцев или их родственников, требующих возврата национализированного советской властью имущества. Административные мероприятия советской власти могли быть изменены только распоряжением немецкого руководства, которое придерживалось принципа статускво относительно ранее национализированной собственности [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 14, л. 11].

Сельское население оккупированной Беларуси находилось на самообеспечении, горожане (работающие или не работающие по уважительной причине) получали продовольствие по карточкам. На сентябрь 1942 г. по волостям района числилось следующее количество граждан, получавших продукты по карточкам: Браславская – 3210, Слободская – 1340, Богинская – 867, Опсовская – 811, Плисская – 412, Дрисвятская – 890, всего по району – 7530. Недельная норма продуктов в этот период выглядела следующим образом: 1050 гр хлеба для муки, 200 гр смешанной муки, 150 гр крупы, 100 гр растительного масла, 250 гр мяса и 75 гр соли [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 237, л. 17].

Оккупационные власти стремились минимизировать количество горожан, которых приходилось обеспечивать продуктами. В декабре 1941 г. в Браславское районное управление обратился бухгалтер Иосиф Г., который просил выдать его семье продовольственные карточки. Проситель отмечал, что у его жены имеется 2,46 га земли, однако пахотной только 0,86 га, остальная – луга либо непригодная для обработки, имеется корова, но нет лошади, в результате чего семья не обеспечила себя хлебом. В прошении было отказано. Очевидно, местная администрация посчитала, что гражданин имеет возможность самостоятельно обеспечивать себя продовольствием. В марте 1942 г. в районную управу обратился работающий там же переводчик Ярослав Л., который просил у районного врача субсидий на покупку дополнительного продовольствия для содержания своей душевнобольной дочери, так как ее состояние требовало усиленного питания, одежда превратилась в лохмотья, а его заработок не позволяло покупать все необходимое по причине дороговизны продуктов. В прошении также было отказано [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 10, л. 12, 17].

Для поддержания населения уже осенью 1941 г. были открыты столовые. Однако местному населению конкуренцию составили солдаты вермахта, которые активно посещали пункты общественного питания, сокращая тем самым количество продовольствия для гражданского населения. В результате гебитс-комиссар издал специальное распоряжение, запрещающее самовольное посещение солдатами вермахта столовых без специальных талонов на питание, выданных гарнизонной комендатурой. Информацию об этом предписывалось вывешивать на видных местах в столовых [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 12, л. 9]. Исключительно сложной была ситуация с питанием в Браславском детском доме, в котором в июле 1943 г. проживало 30 детей. Начальник района апеллировал к зондерфюреру с просьбой выделить детям картофель, который составляет единственный продукт питания [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 130, л. 23].

Часть городского населения могла пользоваться электричеством, однако, как правило, заявление на право использования лампочки надо было аргументировать, например, исполнением на дому важной работы. Для сотрудников электростанции пользование электроэнергией было бесплатным [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 357, л. 1]. Учитывая заработок рабочих и служащих в средних пределах от 300 до 600 руб. в месяц (минус расходы на питание, налоги, другие коммунальные платежи и т.д.), тарифы за электроэнергию (1,5 руб. за киловатт/час плюс расходы на установку счетчиков и проводки) были довольно высокими.

Помимо больниц и амбулаторий в Браславе действовала аптека. Дефицит лекарств был колоссальный, и это приводило к злоупотреблениям аптекарей своими служебными обязанностями (спекуляция медикаментами), на что указывал отдел охраны здоровья районной управы. Окружной врач в Глубоком специальной директивой запрещал районным врачам направлять заболевших за медикаментозной помощью к немецким врачам [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 245, л. 61, 34].

Эпидемия сыпного тифа на территории Генерального округа Беларусь носила перманентный характер, и Браславский район не был исключением. За период с 25.10 по 25.11.1943 г. в районе были зафиксированы пять случаев заболевания тифом, больные были госпитализированы, в домах проведена дезинфекция. Никакие карантинные меры не могли воспрепятствовать перемещению населения между волостями, районами и генеральными округами, что способствовало распространению заболеваний. Распространению эпидемии также способствовало недостаточное питание, отсутствие предметов гигиены и, как следствие, размножение вшей, ставших переносчиками инфекции.

Для борьбы с эпидемией создавалось специальное подразделение (эпидемическая колонна), проводилась дезинфекция, помывка населения в бане, контрольные осмотры граждан на предмет обнаружения вшей, велась агитационная работа (лекции для граждан о методах борьбы с сыпным тифом) [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 130, л. 32]. Тифозные больные подлежали немедленной госпитализации, счет за лечение позднее высылался волостной управе по месту жительства пациента. За лечение от сыпного тифа в Браславской районной больнице жительницы Браславской волости Елены Р. с 22.12.1941 по 3.01.1942 г. полагалось оплатить 8 марок.

Носители наиболее заразных заболеваний (тиф, бешенство, туберкулез, венерические инфекции, скарлатина и ряд других) подлежали обязательной госпитализации, в случае отказа – в принудительном порядке. Врачам в амбулаториях запрещалось лечить больных венерическими заболеваниями, такие больные подлежали стационарному лечению. В случае обнаружения местным врачом указанных заболеваний или появления подозрения предписывалось в 24-часовой срок сообщать об этом районному врачу, провести обязательный осмотр заболевшего, привлекая при необходимости полицию, а также организовать дезинфекцию помещения [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 245, л. 4, 63].

Получение гражданами более тщательного обследования или лечения было ограничено. 18.03.1944 г. житель Друи Иосиф Т. получил справку, что в резуль-

тате произошедшей за полгода до этого аварии у него началось легочное крово- течение, что, скорее всего, является следствием надрыва легкого, для выясне- ние чего необходимо рентгенологическое исследование [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 130, л. 45]. В исключительных случаях, когда была нарушена жевательная функция, разрешалось ставить местным жителям зубные протезы. Зубные тех- ники имели право изготавливать зубные протезы только по предписанию сто- матолога, санкционированному гебитскокомиссаром [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 59, л. 25].

В результате нехватки специалистов, медикаментов и т.д. смертность насе- ления в годы оккупации была значительной, но не всегда заболевания явля- лись причиной смерти. В качестве иллюстрации приведем отчеты Браславской волостной управы о количестве умерших, направляемые санитарному отделу районной управы. За июль 1943 г. умерло 10 чел., из которых 5 убито партиза- нами, 2 убито (не уточняется кем), 1 умер от старости, 1 – от туберкулеза и 1 – от кишечной инфекции. За ноябрь 1943 г. умерло 5 чел.: 1 убит, 1 замучен, 1 утопился, 1 умер от тифа и 1 – от крупы. За декабрь того же года зафиксировано 8 смертей, все от заболеваний: заражение крови, круп, 2 от тифа, желудочное заболевание, дифтерия, туберкулез и коклюш. Возраст заболевших колеблется от 11 месяцев до 69 лет [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 245, л. 42, 45, 47].

На основании распоряжения гебитскокомиссара от 2.03.1942 г. городское на- селение района было обязано следить за чистотой улиц и тротуаров около сво- их домов, которые должны были ежедневно очищаться домовладельцами. В сухую пору года подметать можно было только предварительно увлажнив тер- риторию, чтобы не загрязнять воздух пылью. Собранный мусор должен был складироваться на специальных площадках, снабженных соответствующими надписями. Запрещалось складывать навоз и мусор между домами и за забора- ми. Невымощенные дорожки должны были регулярно подметаться. Главы ме- стной администрации обязывались выделять специальные места для стоянки повозок, где только и разрешалось кормление коней. Очистка территорий пер- ред коммунальными домами, площадей и парков должна была осуществляться, по возможности, только евреями (без оплаты), собранными в специальные ра- бочие колонны [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 15, л. 28].

Гебитскокомиссариат предписывал вести борьбу с крысами, представляющи- ми угрозу как переносчики инфекционных заболеваний. Учитывая дефицит отравляющих веществ, рекомендовалось уничтожать крыс другими способа- ми. В частности, рекомендовалось проводить профилактические мероприятия, уничтожать мусор, чистить подвалы, замазывать щели в полу, стенах, дверях и окнах смесью гипса и битого стекла, забивать дыры жостью. Описывалось уст- ройство импровизированных ловушек (наклонно поставленная доска с набиты- ми гвоздями и утяжеленная камнем), массовая ловля крыс с помощью фонаря в замкнутом помещении, загон их в расставленные по углам мешки, банки и т.д. [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 245, л. 16]. Документ доводился до всех районных врачей и волостных старшин, а через них – до местного населения.

Все владельцы недвижимости были обязаны застраховать свои постройки. Браславская районная управа требовала от начальника финансового отдела,

чтобы к 15.08.1942 г. страхование всех построек на территории района было завершено, для чего страховому инспектору (который, по мнению начальника района, бездельничал) было приказано ускорить работу [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 10, л. 29]. Однако население регулярно уклонялось от уплаты. 1.03.1944 г. по району насчитывалось 102840,03 марки недоимок. Опсовская волостная управа вообще не подала сведений по страховым сборам за 1943 г. [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 148, л. 22].

Осенью 1941 г. открылись частные магазины и предприятия общественного питания. В сентябре 1941 г. было получено разрешение на открытие хлебопекарни в Друе, мясной лавки в Видзах, чайной-столовой без права продажи спиртных напитков в Новом Погосте, столовой без права продажи спиртных напитков в Браславе. В декабре 1941 г. открылся мясной магазин в Видзах.

Для получения разрешения необходимо было подать заявление в районную управу. Это же касалось и уже действующих предприятий, часть из которых существовала еще со времен советской власти. Требования к предприятиям, намеривающимся вести торговлю продуктами питания или оказывать парикмахерские услуги, были похожи на современные: санитарный осмотр помещения и врачебное свидетельство о состоянии здоровья владельца и работников. На предприятиях проводился осмотр на предмет соблюдения техники безопасности и противопожарной безопасности. Для производства и продажи спиртных напитков крепостью более 5° необходима была специальная лицензия. Специальное разрешение полагалось и для открытия фотомастерских. Расходы по осмотру помещений и оформлению разрешений оплачивал предприниматель. К подаваемому в районную управу заявлению прилагались протокол технического осмотра и санитарное свидетельство [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 233, л. 24, 42, 49, 52, 55, 62]. 20.10.1942 г. вышло распоряжение гебитскомиссара об открытии в районных центрах столовых. В день разрешалось использовать не более 15 кг мяса или мясных продуктов, не более 30 литров пива и 3 литров водки. Цены на продукты устанавливались начальником района. По возможности рекомендовалось оборудовать столовую двумя комнатами для гостей [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 233, л. 10].

Некоторые предприниматели открыли свои предприятия уже в первые месяцы оккупации, не имея официального разрешения на то местной администрации. 27.08.1941 г. общий отдел районной управы констатировал наличие в Браславе незарегистрированной столовой, принадлежавшей гражданину Казимиру Л. Было установлено, что Казимир Л. покупал мясо, происходящее из нелегального убоя, и продавал его. За незаконную предпринимательскую деятельность гражданин Л. был оштрафован на 50 марок (500 руб.), а столовая подлежала закрытию [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 168, л. 8].

Немецкая и местная администрация пытались регулировать цены на товары и услуги. Тем не менее, если в зарегистрированных районной управой учреждениях и организациях цены можно было контролировать, то на рынках это было сделать крайне сложно. Здесь процветала спекуляция и, вопреки строжайшим распоряжениям немцев, обменная торговля. Угрозы наказания не помогали. Распоряжением начальника районной управы от 3.11.1941 г. была создана

специальная комиссия цен для регулирования цен на товары первой необходимости и продукты питания. Еще ранее, в сентябре 1941 г., существовала комиссия, состоявшая из сотрудников административного отдела районной управы, установившая цены на живой вес скота.

Цены на товары и услуги можно проиллюстрировать ценами в парикмахерской и столовой г. Браслав. Цены на продукты в столовой были следующими: порция хлеба – 0,5 руб., суп, холодник – 1,5, руб., рыба мелкая – 2 руб., голубцы, рыба, баранина жареная, отбивная котлета из телятины – 3 руб., бифштекс, ромштекс, антрекот, шницель, свиная отбивная котлета, фаршированная рыба – 4 руб. На 15.08.1941 г. в парикмахерской Браслава существовал прейскуртант: бритье – 1,5 руб., стрижка волос, мытье головы, бритье головы, дамская стрижка – 2 руб., стрижка машинкой наголо – 1 руб., укладка волос – 1 руб. [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 232, л. 4, 16, 24, 27].

Попытки контролировать цены были обусловлены признанием оккупационными властями мизерного размера заработной платы и продуктовых пайков для местных жителей. Немецкая администрация была вынуждена гарантировать стабильные цены на товары первой необходимости, получаемые по карточкам, чтобы не провоцировать массовые выступления и иметь возможность эксплуатировать трудовые ресурсы Беларуси. Тем не менее, цены на некоторые товары увеличивались именно благодаря решению властей. С 25.11.1941 г. до 2 руб. была повышена цена за килограмм соли как несоответствующей ценам на молоко и жиры. До осени 1941 г. официально выросли цены на все продовольственные товары: хлеб с 1,1 до 1,4 руб./кг, рожь с 0,9 до 1,3 руб./кг, пшеница с 1,2 до 1,8 руб./кг и т.д. [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 232, л. 1, 2, 29].

Торговля товарами на рынках облагалась налогом. Согласно постановлению Браславской районной управы от 1.09.1941 г., взимались следующие разовые сборы: за торговлю продуктами с воза – 3 руб., за въезд воза на рынок – 1 руб., за торговлю с рук – 1 руб. Разовый сбор взимался также с продающих на рынке свои товары кустарей и с горожан, продающих продукты питания со своих подсобных хозяйств [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 188, л. 1].

Местная администрация предпринимала усилия по предотвращению пожаров. В отличие от Восточной Беларуси, подвергавшейся налетам советской авиации, в западных регионах большую опасность представляли возгорания дымоходов в результате накопления сажи, поэтому для чистки дымоходов в населенных пунктах формировались добровольные команды. Граждане и учреждения должны были производить чистку дымоходов раз в месяц, в пекарнях и банях, промышленных предприятиях – два раза в месяц. Были утверждены следующие расценки на чистку дымоходов: в жилом помещении – 0,5 марки, на предприятии – 1 марка. 70 % суммы выдавалось работникам как заработная плата, 30 % перечислялось в фонд добровольных пожарных команд. Согласно распоряжению гебитскомиссара в декабре 1941 г. началось создание пожарных дружин [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 12, л. 13]. Для информирования населения о правилах противопожарной обороны инициировались собрания с обязательным участием всех домовладельцев г. Браслава, администраторов казенных домов

и учителей народных школ [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 149, л. 16]. После ликвидации пожара местная полиция проводила следствие.

Районные власти констатировали, что ряд пожаров был следствием поджогов как результат сведения счетов между местными жителями (очевидно, как следствие взаимных обид в период советской власти). Чтобы предотвратить подобную порочную практику, распоряжением Браславской районной управы от 6.08.1941 г. была введена круговая порука деревень при ликвидации последствий пожара, а именно: отстройка сгоревших зданий, покупка стройматериалов, живого и мертвого инвентаря. Такое правило должно было применяться каждый раз, когда констатировался поджог; виновный в нем передавался немецкому военно-полевому суду [ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 9, л. 5]. Обращает на себя внимание дата документа. Массовые случаи поджогов в первые месяцы оккупации можно рассматривать как результат сведения счетов между гражданами за конфликты, происходившие при советской власти.

Таким образом, изучение различных аспектов повседневности в период нацистской оккупации позволяет реконструировать условия, в которых проходила борьба за выживание населения Западной Беларуси. Тяжелой действительностью для жителей региона были рост налогов и поборов со стороны немцев, эпидемии как результат ограниченной возможности получать медицинскую помощь, рост цен на товары первой необходимости, техногенные катастрофы. Суровые реалии военной повседневности усугублялись конфликтами в обществе — наследием советской власти.

ИСТОЧНИКИ

ГАВО — *Государственный архив Витебской области*